

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О СТРУКТУРЕ СТРАТИФИЦИРОВАННОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ЕЕ РОЛИ В ИСТОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

**[в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община
в Северной Индии». М.: Наука, 1981, 240 с.]**

Последние десятилетия характеризуются возрастанием интереса к проблемам общины вообще, сельской общины в первую очередь. Появилось значительное число монографий¹, тематических сборников², а также множество отдельных статей как в периодической, так и непериодической печати³. Они крайне разнообразны по содержанию. В одних преобладает изложение фактического материала, относящегося к общине тех или иных народов. Другие посвящены преимущественно теоретическим проблемам. Наконец, имеются работы, в которых эмпирическое органически сочетается с теоретическим.

К числу последних относится недавно увидевшая свет работа известного советского индолога Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии». Эта книга заметно выделяется даже на фоне нескольких превосходных монографий, посвященных сельской общине. Она во многих отношениях совершенно уникальна. Автор поставил перед собой задачу, равную которой по сложности трудно представить. Он предпринял попытку проследить историю сельской общины одного из районов мира на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет (VI в. до н. э. — XX в. н. э.). И намеченную цель автор реализовал, на наш взгляд, настолько блестяще, насколько это вообще возможно на данном этапе развития науки. Книга свидетельствует об огромной эрудиции автора, прекрасном знании им материала и умении эти фактические данные осмыслить, интерпретировать, воссоздать на их основе картину развития исторической реальности.

Такая оценка отнюдь не равносильна утверждению, что построения автора представляют абсолютно точное воспроизведение реальной истории индийской общины. Материалы об общине не только в Древней Индии, но и в последующие эпохи истории этой страны, вплоть до XIX в., настолько неполны и отрывочны, что допускают далеко не одинаковое истолкование. В этом смысле реконструкция истории индийской общины, предлагаемая автором, носит в значительной степени гипотетический характер. Но такой характер с неизбежностью должна носить и любая другая реконструкция, кем бы она ни была предложена.

Однако при всей спорности тех или иных моментов в рецензируемой работе имеются такие положения, которые в достаточной степени обоснованы и вряд ли могут быть в ходе дальнейших исследований поставлены под сомнение. И если брать в це-

¹ Давыдов А. Д. Афганская деревня (сельская община и разложение крестьянства). М.: Наука, 1969; его же. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979; Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — начале XX в. Киев, 1971; Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М.: Наука, 1971; Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М.: Наука, 1972; Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX в.). М.: Наука; Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). М.: Наука, 1976; Бакланова А. Е. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М.: Наука, 1976; Павловская А. И. Египетская хора в IV в. М.: Наука, 1979; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XIX в. (на материалах вотчины Шереметьевых). Л.: Наука, 1981 и др.

² Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967; Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975; Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977; Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1977; Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978 и др.

³ См.: Сюмов Ю. С. Обсуждение теоретических проблем общины. — Народы Азии и Африки, 1973; № 6; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976; Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах. — Вопросы истории, 1977, № 2 и др.

лом, то нарисованная им картина эволюции индийской общины в главном и основном может считаться достаточно близкой к действительности.

Автор совершенно правильно, по нашему мнению, рассматривает сельскую общину не как пережиток первобытнообщинного строя, которому в классовом обществе не остается ничего другого, кроме как разлагаться, а как социальное образование, которое возникло лишь с переходом к классовому обществу и может существовать только в его недрах в качестве необходимого элемента социальной структуры некоторых его исторических форм.

Крупным вкладом в разработку теории сельской общины является выдвинутое автором положение о существовании двух основных типов этого института. Первый тип — община, полностью или в основном состоящая из обладающих одинаковыми правами земледельцев-крестьян. Именно эта община, которую можно назвать крестьянской, была основным объектом исследования как историков, так и этнографов. В результате этого понятие сельской общины чаще всего сводилось к понятию крестьянской общины, что имело место и в наших работах⁴. Конечно, исследователи не могли не видеть, что существуют и такие реальные сельские общины, которые по ряду особенностей значительно отличаются от крестьянской общины. Однако все это рассматривалось как неизбежное расхождение между идеальным типом и историческим, между идеальным типом, выражающим в чистом виде сущность явления, и реальными явлениями, в которых эта сущность в действительности воплощается. Когда же это расхождение было чересчур большим, то причину его видели в начавшемся или далеко зашедшем разложении крестьянской общины. Л. Б. Алаев впервые убедительно показал, что сельская община, отличная от крестьянской, не является ни отклонением от основного типа, ни своеобразным вариантом этого основного типа. Она представляет собой другой основной тип сельской общины.

Характерная особенность сельской общины второго типа заключается в подразделении ее населения на две основные группы, одна из которых господствует над другой. Только члены доминирующей группы были владельцами земли. В главах четвертой и пятой автор применяет для их обозначения термин «первичные заминдары». Все они вместе взятые составляли определенный коллектив, который Л. Б. Алаев нередко именует общиной. Лишь они были общинниками в полном значении слова. Все остальные являлись общинниками лишь в том смысле, что постоянно проживали на территории общины. Если не все они, то значительная часть неполноправных членов общины в той или иной форме эксплуатировалась полноправными ее членами. Как правило, члены привилегированной группы принадлежали к одной касте — той, которая господствовала в данном районе. Члены второй группы входили в состав целого ряда других, обычно более низких каст. Таким образом, сельская община второго типа была стратифицированной.

Л. Б. Алаев не дал никакого названия ни первому, ни второму типам сельской общины. Иногда, правда, он употребляет для обозначения второго типа термин «кастовая община», который ранее был использован в работе М. К. Кудрявцева «Община и каста в Хиндустане». При этом Л. Б. Алаев в первой главе книги «Постановка вопроса» именно М. К. Кудрявцеву приписывает заслугу выделения двух основных типов сельской общины (с. 28). Согласиться с этим нельзя. Как явствует из книги М. К. Кудрявцева, автор рассматривает кастовую общину Индии как своеобразный вариант крестьянской общины, не более⁵. И хотя он действительно рассматривает внутриобщинную эксплуатацию как важный элемент структуры этого социального образования, понимает он ее иначе, чем Л. Б. Алаев. Для него она сводится к эксплуатации «помещиками» и «крестьянами-земледельцами» той части деревенского населения, которая не занималась земледельческим трудом. Эксплуатация труда неполноправных слесей деревни в сфере земледелия, которую Л. Б. Алаев считает основной особенностью общины второго типа, существовавшей на протяжении всей ее истории, для М. К. Кудрявцева есть явление очень позднее, возникшее лишь в колониальный период и связанное с развитием капиталистических отношений и распадом общины⁶.

Последовательное рассмотрение истории индийской общины начинается в книге с главы второй — «Древняя Индия», в которой автор, на наш взгляд, достаточно убедительно показывает, что в этой стране с VI до н. э. по IV—V вв. н. э. существовала община эксплуататорского типа. Хотя следующая глава книги носит название «Раннее средневековье (VI—XII вв.)», Л. Б. Алаев, выделяя в рассматриваемом периоде два этапа, за исходную точку первого из них принимает не VI в., как это следовало бы ожидать, а начало нашей эры (с. 75, 132). Тем самым он приходит в противоречие и со сказанным им же во второй главе. Как считает автор, в первом подпериоде, который длился вплоть до VIII в., эксплуататорская община уступила место крестьянской (с. 81, 131). Однако никаких доказательств существования в это время не только крестьянской, но и вообще сельской общины автор не приводит. Как признает сам Л. Б. Алаев, источники, относящиеся к этому времени, почти совсем не упоминают об общине. Отсюда он делает вывод о глубоком упадке общины как организации (с. 81). С этим выводом вполне согласуется его утверждение о том, что с VIII в. в Индии наблюдается процесс «возрождения общинного землевладения» (с. 82).

С VIII по XX в. в Индии, по мнению автора, снова существует эксплуататорская сельская община. Обоснованию данного тезиса посвящена большая часть третьей гла-

⁴ См. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.

⁵ Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане, с. 31, 32, 86—90.

⁶ Кудрявцев М. К. Указ. раб., с. 86—90, 163 и др.

вы, а также главы четвертая — «Позднее средневековье (XIII—XVIII вв.)» и пятая — «Североиндийская община по британским источникам». Индийская община в XX в. в той или иной степени затрагивается в главе первой — «Постановка вопроса». В целом по отношению к периоду с XI—XII по XIX в. этот тезис, на наш взгляд, доказан достаточно убедительно. Особенно глубоко раскрыта специфика индийской эксплуататорской общины в главе пятой, которая представляет собой своеобразную теоретическую выжимку из ранее опубликованной монографии Л. Б. Алаева «Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век)» (М., 1976).

В итоге исследования автор приходит к выводу о поразительном сходстве устройства общины, какой она была в Древней Индии, с тем, которое застали англичане в XIX в.: «Такое же сочетание областных и деревенских объединений; такое же преобладание индивидуального хозяйства и кастовое единство коллектива землевладельцев как основное содержание его общинности; та же социальная и экономическая гетерогенность населения, наличие внутриобщинной эксплуатации» (с. 213). Но эксплуатация в Индии никогда не исчерпывалась внутриобщинной. Над обществом стояло, выражаясь словами Л. Б. Алаева, «восточнбюрократическое государство», которое в форме налога присваивало значительную часть прибавочного продукта. Был, по мнению автора, только один период в истории Индии, который характеризовался «упадком (ослабление, сокращение) государственной, фискальной эксплуатации» (с. 215), — с начала нашей эры до VIII—X вв. В последующие века Индия «опять свернула на дорогу развития преимущественно государственных форм эксплуатации» (с. 215). Автор нигде сколько-нибудь четко не характеризует этой формы социально-экономических отношений. Лишь в одном месте он глухо говорит об «азиатской» модели социального строя» (с. 215).

Но каковы бы ни были его взгляды по этому вопросу, он, во всяком случае, не согласен с исследователями, которые, стараясь обосновать рабовладельческую природу общества Древней Индии, утверждают, что в эту эпоху взимание налога государством не было эксплуатацией. Возражает Л. Б. Алаев и тем авторам, которые заявляют, что между налоговой эксплуатацией в древности и в средние века существует принципиальное различие. Он считает, что сущность государственной формы эксплуатации на всем протяжении истории Индии оставалась неизменной (с. 216—217).

Если это сопоставить с тем, что было сказано автором об эволюции общины, то из этого с неизбежностью вытекает, что общественный строй Индии перед ее превращением в британскую колонию был в принципе тем же самым, что и во второй половине I тысячелетия до н. э. Но этот естественно напрашивающийся вывод находится в столь разительном противоречии с широко распространенным в нашей исторической литературе представлением о рабовладельческом характере общества Древней Индии и феодальном средневековой Индии, что Л. Б. Алаев не решается его сделать. Более того, он прилагает немало усилий, чтобы каким-то образом согласовать свою реконструкцию эволюции индийской общины и индийского общества вообще с привычным взглядом.

Так, например, в ряде мест книги, он, вступая в противоречие с другими своими же высказываниями, характеризует государственную налоговую эксплуатацию как феодальную (с. 168, 169, 197). Однако эта линия не получила развития в его работе. И понятно почему. Если государственная эксплуатация в средневековой Индии была феодальной, то логика требует признать, что она была феодальной и в Древней Индии. Но в таком случае опровергается тезис, который требуется доказать, — положение о смене в Индии с переходом от древности к средним векам рабовладельческого строя феодальным. И Л. Б. Алаев идет по другому пути.

Он заявляет, что система государственной эксплуатации в Индии «является второстепенной с точки зрения формационного анализа». «Центр тяжести вопроса о господствующем способе производства, — пишет он, — лежит в плоскости внутриобщинных отношений, в производственной ячейке...» (с. 217). Утверждая это, Л. Б. Алаев приходит в явное противоречие с тем, что им было сказано на предыдущей странице, где он не менее категорично заявлял, что «анализ лишь ячейки производства (в данном случае хозяйства общинника) не отвечает на вопрос о базисе общества (совокупности производственных отношений)», что рассмотрение одних только внутриобщинных отношений «еще недостаточно для решения вопроса о формационной принадлежности древнего и средневекового индийского общества», что для этого нужно обратиться к анализу государственной формы эксплуатации (с. 216).

Вступая в противоречие со своим же выводом о поразительном сходстве устройства индийской общины в древности и в новое время, Л. Б. Алаев утверждает, что внутриобщинная эксплуатация и соответственно классовая природа сельских хозяев в древности и в средневековье была различной (с. 215, 216). Хозяйство привилегированных слоев общинников, т. е. полноправных членов общины Древней Индии было рабовладельческим, а средневековой — феодальным (см. 216, 218). Чтобы выяснить, насколько данное утверждение автора соответствует действительности, необходимо несколько подробнее остановиться на приводимых им данных о внутриобщинной эксплуатации и вообще о социальной структуре индийской эксплуататорской общины.

Характеристика слоя «полноправных общинников» в книге не всегда отличается достаточной четкостью. С одной стороны, автор нередко характеризует их всех вместе взятых как коллектив эксплуататоров (с. 70—71, 202, 213), а с другой — отмечает, что в состав этого слоя входили люди, которые сами были тружениками, производителями материальных благ (с. 58, 198, 199, 202, 203, 218). Эта нечеткость в какой-то степени связана с тем, что в ряде мест работы автор ведет изложение так, как если бы понятия «эксплуататор» и «труженик» абсолютно взаимно исключали друг друга (с. 58, 62). Однако дело обстоит сложнее. Человек может одновременно и трудиться

сам, и эксплуатировать других, совмещать в своем лице непосредственного производителя материальных благ и эксплуататора. В определенной степени автор это признает в других местах работы, где он говорит о людях, живших за счет как собственного, так и чужого труда. По его мнению, они занимали «положение где-то между феодалом и крестьянином» (с. 180). Оставляя пока вопрос о природе эксплуатации в стороне, отметим лишь, что пока земледельец-общинник сам трудился в своем хозяйстве, он оставался в принципе крестьянином, даже если наряду с собственным трудом использовал и чужой.

Данные, приведенные Л. Б. Алаевым, свидетельствуют, что владельческий слой индийской общины мог включать в себя людей, принадлежащих к трем разным группам. Первую из них составляли люди, которые самостоятельно вели хозяйство, используя лишь труд собственный и членов своей семьи. Это крестьяне в полном смысле слова. Вторую группу составляли хозяева, которые не только трудились сами, но и эксплуатировали неполноправных членов общины. Это — крестьяне-эксплуататоры. И наконец, в третью группу входили люди, которые целиком жили за счет труда неполноправных членов общины. Это чистые эксплуататоры. В разных конкретных индийских общинах соотношение этих трех групп было различным. Насколько можно судить по материалам, приведенным в книге, существовали общины, в которых привилегированная часть целиком состояла из одних чистых эксплуататоров (с. 198). В подобных случаях владельческий слой общины действительно был коллективом эксплуататоров. Существовали в Индии и такие общины, в которых чистые эксплуататоры отсутствовали. Они были по существу крестьянскими (с. 198, 199).

Полноправные общинники были обязаны платить государству налог. На этом основании Л. Б. Алаев характеризует их как людей, которые не только эксплуатировали, но и сами были эксплуатируемыми (с. 218). Согласиться полностью с этим утверждением нельзя. Эксплуатировать в точном смысле слова можно только производителей материальных благ. Поэтому об эксплуатации тех членов общины, которые полностью жили за счет чужого труда, не может быть и речи. Их не эксплуатировали, у них просто отнимали часть полученного ими прибавочного продукта. Об эксплуатации можно говорить применительно только к тем членам привилегированного слоя общины, которые сами участвовали в создании продукта, да и то не во всех случаях.

Как писал Л. Б. Алаев в книге «Социальная структура индийской деревни», земля индийской общины в XIX в. чаще всего делилась на две категории. Одну составляли участки, принадлежавшие отдельным членам привилегированной части общины (*сир*), вторую — земли, которыми эти полноправные общинники владели совместно и которые сдавались в аренду неполноправным членам общины (*райяти*). Между этими двумя категориями чаще всего устанавливалось такое соотношение, чтобы арендная плата с райяти полностью покрывала налоговые обязательства⁷. В таких условиях даже те члены привилегированной части общины, которые жили собственным трудом, не эксплуатировались государством.

Среди эксплуатируемой части населения общины достаточно отчетливо выделялись две основные группы. Первую составляли люди, которые сами хозяйства не вели, а работали в чужом. В Древней Индии среди них можно выделить четыре подгруппы. Первую составляли рабы, вторую — наемные работники, третью — люди, работавшие за содержание, четвертую — долговые заложники (с. 56, 59—62). Грани между этими категориями эксплуатируемых были недостаточно четкими. Все они в той или иной степени находились в личной зависимости от хозяина, на которого работали. По существу здесь перед нами одновременно и варианты, и составные части одной и той же формы эксплуатации. С этим связана тенденция к появлению единого термина для обозначения всех этих работников (с. 61, 62).

Вторую основную группу эксплуатируемых составляли люди, которые вели хозяйство на арендованной у полноправной части общины земле и отдавали ее владельцам значительную часть созданного продукта. Степень их хозяйственной самостоятельности была различной, но все они в той или иной степени находились в личной зависимости от владельцев земли.

Таким образом, в индийской общине существовало две основные формы эксплуатации. Первую из них Л. Б. Алаев характеризует как рабовладельческую. К числу рабов, по его мнению, должен быть отнесен любой несвободный производитель, который не имеет собственного хозяйства и работает в хозяйстве человека, которому он принадлежит или от которого зависит, за содержание или плату, сводящуюся к содержанию (с. 64, 215). Вторую из описанных форм эксплуатации Л. Б. Алаев характеризует как феодальную. Феодализм, по его мнению, имеет место везде, где существуют несвободные работники, ведущие хозяйство (с. 215).

Допустим, что Л. Б. Алаев прав в своей характеристике этих двух форм внутриобщинной эксплуатации. Однако все это не только не подтверждает положения о рабовладельческой ее природе в Древней Индии и феодальной — в эпоху средневековья, а, наоборот, находится в полном противоречии с ним. Действительно, как показывает автор, в Древней Индии наряду с той формой эксплуатации, которую он называет рабовладельческой, существовала и та, которую он считает феодальной (с. 53—55, 66). Столь же убедительно он показывает, что в средние века и в новое время в Индии наряду с той формой эксплуатации, которую он именует феодальной, существовала и та, которую он характеризует как рабовладельческую (с. 123—125, 180—183, 203—205). В результате у него получается, что рабовладельческие и феодальные отношения

⁷ Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни, с. 169—170.

сосуществовали в Индии в течение всей ее писаной истории, начиная с VI в. до н. э. и кончая XX в. И сам Л. Б. Алаев не может этого не сознавать и не искать выхода из создавшегося положения.

Одно из решений, к которому он склоняется, состоит в следующем. Хотя и в древности, и в средние века в Индии одновременно существовали и рабовладельческие и феодальные отношения, однако их роль в разные эпохи была неодинаковой. В древности доминировало рабство и соответственно древнеиндийское общество должно считаться рабовладельческим, в средние века доминировали феодальные отношения и соответственно общество было феодальным. «Если..., — пишет он, — подойти к хозяйству богатого общинника в Северной Индии, то можно заметить, что в древности в нем преобладают несвободные — безземельные работники, а в период с X до XIX в. — несвободные, имеющие землю на тех или иных условиях, „арендаторы“, по принятой обычно терминологии» (с. 215—216).

Ни какими данными о численности несвободных безземельных работников и «арендаторов» в древней и средневековой Индии наука не располагает. Цифры, которые приводит автор, относятся к XIX в. По его подсчетам, в Северо-Западных провинциях и в Ауде (территория нынешнего Уттар-Прадеша) зависимые работники в чужих хозяйствах составляли в среднем более 30% сельскохозяйственного населения, а в некоторых районах их доля доходила до 40—50% (с. 204—205). Следуя логике его рассуждений, хозяйство богатых общинников этих районов, безусловно, должно быть признано рабовладельческим. Таким образом, данный путь заводит в тупик.

Чувствуя это, автор одновременно идет и по другому пути. В главе о позднем средневековье он, вступая в противоречие с собственным определением рабства, доказывает, что зависимые работники в чужих хозяйствах, жившие в эту эпоху, не могут считаться рабами. «Они, — пишет Л. Б. Алаев, обосновывая эту точку зрения, — юридические лица, имеют семью, свое частное имущество, свою кастовую организацию» (с. 183). Но все это может быть отнесено по крайней мере к значительной части людей, работавших в чужих хозяйствах в Древней Индии. Как, на наш взгляд, в достаточной степени убедительно показывает автор, возникновение в Древней Индии варны шудр обусловлено прежде всего появлением значительного числа лиц, которые работали в чужих хозяйствах (с. 62—63). Указывая, что «совпадение варны шудр с работающим безземельным населением не было полным» (с. 62), Л. Б. Алаев в то же время подчеркивает, что по существу «вопрос о роли чужого труда в хозяйствах общинников сводится к вопросу о численности варны шудр» (с. 63). Таким образом, если автор не считает эксплуатацию зависимых работников в чужих хозяйствах в эпоху позднего средневековья рабовладельческой, то он должен отказаться от признания рабовладельческой эксплуатации точно таких же работников в Древней Индии.

Не ограничиваясь отрицанием рабовладельческой природы описанной выше формулы эксплуатации, автор, правда, не без колебаний объявляет ее феодальной (с. 183). Тем самым он вслед за отказом от данного им определения рабства столь же решительно отказывается от данного им определения феодальной эксплуатации. Но это не спасает положения. Изгоняя таким способом рабовладельческие отношения из позднего средневековья, Л. Б. Алаев тем самым с неизбежностью превращает почти всю внутриобщинную эксплуатацию в Древней Индии в феодальную.

Таким образом, Л. Б. Алаев так и не смог согласовать приводимый им в книге огромный фактический материал и основанные на нем его собственные построения с точкой зрения, согласно которой древнеиндийское общество было рабовладельческим, а средневековое — феодальным. Все содержание работы убедительнейшим образом опровергает подобно рода взгляд на историю Индии.

Л. Б. Алаев совершенно прав, когда выделяет две основные формы внутриобщинной эксплуатации. Безупречным является данное им описание этих форм. Спорной является лишь характеристика одной из них как рабовладельческой, а второй как феодальной. И причина ошибки не только в его стремлении согласовать свои построения с привычным взглядом на индийскую историю. Другая причина — столь же привычное сведение всех сколько-нибудь широко распространенных докапиталистических форм эксплуатации к двум: рабовладельческой и феодальной. В действительности же кроме рабовладельческой и феодальной существуют и иные докапиталистические формы эксплуатации. С двумя из них мы здесь и столкнулись.

Эти две формы эксплуатации не являются специфическими индийскими. Они имеют самое широкое распространение как в предклассовых, так и в ранних классовых обществах. Обе они были в свое время выделены нами и описаны как две разновидности одной формы эксплуатации — кабальной⁸. Дальнейшие исследования привели нас к выводу, что перед нами две хотя и тесно связанные, но тем не менее разные формы эксплуатации. Уточнено было и представление о той форме эксплуатации, при которой зависимый человек трудится в чужом хозяйстве; выяснено, что ее вариантами и одновременно компонентами кроме ранее описанных нами форм (заложенность и работа за содержание) являются также, во-первых, одна из разновидностей эксплуатации рабов, во-вторых, одна из разновидностей наемного труда⁹. К тем же по существу выводам, но на другом материале пришел, как мы видели, Л. Б. Алаев.

⁸ См. Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и становление классового общества. М.: Наука, 1968.

⁹ См. Семенов Ю. И. Формы эксплуатации на доколониальном Востоке. — Тезисы доклада на семинаре по проблемам социально-экономического строя стран Азии и Северной Африки Ин-та востоковедения АН СССР. Ноябрь 1980 г. М.: Наука, 1981.

Так как эти две формы эксплуатации не могут быть, вопреки мнению Л. Б. Алаева, охарактеризованы как рабовладельческая и феодальная, то они нуждаются в особых названиях. Ту из них, при которой зависимый человек работает в чужом хозяйстве, мы предложили бы именовать *доминантной* (от лат. доминус — хозяин, господин), а вторую — *магнатной* (от лат. магнат — властитель).

Как магнатная, так и доминантная формы эксплуатации существуют в двух вариантах.

При первом из них эти отношения не образуют целостной системы, а существуют в качестве дополнения к крестьянско-общинному укладу¹⁰. Эти неукладные отношения эксплуатации можно было бы назвать соответственно протомангнатными и протодоминантными. При этом варианте эксплуататоры не перестают быть крестьянами. Наряду с эксплуатацией чужого труда они работают и сами.

Второй вариант характеризуется существованием производственных ячеек, целиком основанных на труде зависимых людей. В данном случае мы сталкиваемся с подлинными магнатными и доминантными отношениями, которые образуют свой собственный уклад, отличный от крестьянско-общинного. В зависимости от условий этот уклад может быть либо почти полностью магнатным, либо смешанным доминамангнатным, либо, реже, почти полностью доминантным. Доминантные и магнатные отношения в отличие от протодоминантных и протомангнатных не могут существовать в рамках деревенской общины. Они требуют более широкого, надобщинного образования. И такие образования существовали по всей Индии как в древности, так и в средние века. Л. Б. Алаев именует их областными общинами (с. 39—42, 93, 96, 103—106, 133, 213).

Домномагнатный уклад в принципе мог и полностью оторваться от общинного. Могли существовать и, возможно, существовали доминамангнатные хозяйства, не входившие в состав общины, что автор, на наш взгляд, не всегда учитывает. Особенно вероятно существование таких хозяйств в Древней Индии (см. с. 47, 66, 70). Но в целом в Индии доминамангнатный уклад существовал в тесной связи с деформированным в результате его воздействия крестьянско-общинным укладом. Эта связь выражалась, в частности, в том, что доминамангнаты и по крайней мере часть крестьян составляли нередко один единый коллектив владельцев земли, противостоящий неполноправной части общины, и принадлежали к одной господствующей в данном районе касте.

Но какую бы важную роль ни играли доминамангнатные отношения, все же не они были основой индийских социальных организмов. Эту основу составляли те социально-экономические отношения, которые автор характеризует как систему налоговой государственной эксплуатации. Перед нами не просто система перераспределения прибавочного продукта, как пишет Л. Б. Алаев (с. 217), а особый антагонистический способ производства. Этот способ производства, который К. Маркс выделил под названием «азиатского», лучше всего было бы называть политарным¹¹. Обычно политарный способ производства существует как своеобразная надстройка над крестьянско-общинным¹². Как в древней, так и в средневековой Индии политарный уклад производства существовал в качестве своеобразной надстройки над доминамангнатным и неразрывно связанным с ним деформированным крестьянско-общинным укладами.

Обилие критических замечаний ни в малейшей степени не снижает нашу самую высокую оценку книги Л. Б. Алаева. За небольшим исключением, все они относятся не к основному содержанию работы, не к базирующимся на большом фактическом материале собственным построениям автора, а связаны с его попытками согласовать эти построения с привычными взглядами на историю Индии. Наличие противоречий в научной работе вряд ли, конечно, можно рассматривать как ее достоинство. Но в данном случае такое положение является следствием одного из ценнейших качеств, приносящих автору работы. Это качество — скрупулезная честность, Л. Б. Алаев нигде не поддается соблазну подогнать историческую действительность под принятую им общую схему, утаить те или иные факты, которые в эту схему не укладываются. Он стремится нарисовать такую картину исторической реальности, которая согласовалась бы со всеми известными ему фактами, даже в том случае, когда эта картина вступает в противоречие с им же отстаиваемыми общими положениями.

Книга Л. Б. Алаева представляет интерес не только для индологов и вообще исследователей, занимающихся проблемами эволюции сельской общины. Обобщенный и систематизированный в ней материал об эволюции индийской общины дает ключ к пониманию целого ряда важнейших проблем истории предклассового и раннеклассового общества, в частности вопроса о генезисе античного общества.

В одной из наших работ уже указывалось на сходство начального этапа развития «вторичного» классового общества в Индии и античной Греции, в частности на аналогию между четырьмя древнеиндийскими варнами и теми группами, на которые делилось население архаической Аттики¹³. В свете данных, приведенных в книге Л. Б. Ала-

¹⁰ О понятии общественно-экономического уклада вообще, понятии крестьянско-общинного уклада в частности подробнее см.: Семенов Ю. И. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. *Философские науки*, 1976, № 3.

¹¹ См. Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения. — В кн.: Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука, 1980.

¹² См. там же, с. 109—115.

¹³ Семенов Ю. И. Древняя Индия и античная Греция: сходство и различие. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран (тезисы докладов). Ереван, 1976, с. 389—391.

ева, особенно наглядно видно, что и деление населения Аттики на эвпатридов, геоморфов и демиургов, а также населения Древнего Рима на патрициев и плебеев является во многом сходным с кастовым. Патрицианская община древнего Рима находит почти полную аналогию в областной общине первичных заминдаров Индии. Становится понятной и сущность того крупнейшего социального переворота, который в Афинах связан с именами Солона и Клисфена, а в Риме — с именем Сервия Туллия. Это было крушение кастового строя и переход от общества, в котором господствовали доминирующие магнатные отношения, к обществу, основой которого стали рабовладельческие связи.

Данные об индийской общине, приводимые в работах Л. Б. Алаева, не только делают понятными общественные порядки Фессалии и Крита, но позволяют приблизиться к разрешению загадки возникновения спартанского социального строя. Деление на спартиатов, перизков и илотов также во многом является близким кастовому. В значительной степени вероятно, что «община равных» возникла из социального образования, сходного с областной общиной первичных заминдаров Индии. В некоторых районах Индии были зафиксированы порядки, при которых вся земля находилась в коллективном владении общины первичных заминдаров и полностью сдавалась в аренду. Полученная арендная плата за вычетом налогов делилась между владельцами. Когда налоги собирались отдельно от ренты, общинники иногда предпочитали делить арендаторов между собой, и каждый из них в таком случае получал ренту с тех, которые были к нему приписаны¹⁴. От подобного рода общественного устройства открывается прямая дорога к социальному строю Древней Спарты. Основой спартанского общества в классический его период была система социально-экономических отношений, органически сочетавшая особенности магнатных и полисных связей, — полисномагнатный уклад.

Существуют разные критерии оценки научной работы. На наш взгляд, научная работа представляет ценность прежде всего тогда, когда прокладывает новые дороги в науке, будит мысль, заставляет по-иному взглянуть на многие привычные вещи. Книга Л. Б. Алаева полностью отвечает этим требованиям. Как видно из сказанного, она представляет собой существенный вклад не только в советскую, но и в мировую историческую науку. После этой работы уже невозможно по-старому подходить ко многим проблемам истории вообще, проблемам сельской общины в первую очередь.

Ю. И. Семенов

¹⁴ См. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни, с. 105—106.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССИИ (обзор работ)

Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976, III с.; Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976. 144 с.; Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования городов БССР). Минск: Наука и техника, 1980, 280 с.

В связи с быстрым социально-экономическим и культурным развитием народов нашей страны на этапе зрелого социализма советская этнографическая наука уделяет все больше внимания современному развитию этносов, происходящим в них изменениям, чему в немалой степени способствуют успехи в научной разработке теории этноса и этнических процессов, в определении специфики современных этносов, уточнения предметной зоны этнографии в их исследовании¹.

Заметно активизировалось изучение современной традиционно-бытовой культуры и этнических процессов в РСФСР² и на Украине³. Большая работа по исследованию современных культурно-бытовых и этнических процессов проделана в последнее десятилетие также в Белоруссии, где в равной мере изучалось как сельское, так и городское население, причем усилилось внимание именно к городскому населению. Это объясняется тем, что в последнее десятилетие в Белоруссии городское население по численности превзошло сельское.

Этнографии городского населения республики посвящены два рецензируемых коллективных труда белорусских ученых, подготовленные под руководством В. К. Бондарчика.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.

² Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977.

³ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975.